

Экран и сцена - 1991 - 24 янв (109) - с 15

Весенние астры Краматорска

АБЫЛО так. Послевоенный Краматорск. Всего не хватает — хлеба, воды, электричества, ласки, нежности, доброты. Лежат в развалинах машиностроительные заводы. Лишь в некоторых цехах гудят станки. Мы, ученики средней школы № 6, ходим разбирать завалы на теперешнем заводе имени Ленина.

Однажды на территории завода обнаружили теплицу. Разрушенный цех, может быть, площадью в полгектара, накрытый стеклянными рамами. Стекло по тем временам — немыслимый дефицит. На Сенном базаре за стекольный квадрат среднего формата драли красного цвета тридцатку. У нашего друга Михаила Трейдуба, сына писателя, репрессированного в 37-м году, окна были залатаны толем. Жил он на Горе в хибаре с земляным полом, с матерью, престарелой бабушкой, сестрами Шурой, Кларой и дворнягой Дозор. На глиняной стене висела фотография молодых ребят: Б. Горбатов, А. Авдеенко, П. Трейдуб, А. Селивановский. «Друзья отца», — веско говорит Миша.

Миша ходит прихрамывая: во время одной из бомбежек его ранило осколком в левую ногу. Скорее всего он бы погиб в оккупации с такой раной. Но в городе был хирург, кажется, его фамилия Мазур. Помню рослого мужчину с воспаленными глазами на сердитом лице. Мы подождали его у больницы в Старом городе, и Миша протянул ему свою астру.

— Откуда вы взяли такое сокровище? — изумился хирург.

Миша мялся.

— Все равно благодарствую, — сказал Мишин спаситель.

А мялся Миша не случайно. Обнаружил теплицу Леонид Быков, наш одноклассник, худющий подросток, недавно вернувшийся из сформированной летной спецшколы. Теплица его заинтересовала с точки зрения вполне извинительной: ему тоже хотелось, чтобы в Мишиной хибаре были на окнах стекла. И мы пошли их добывать.

На территорию завода тогда можно было пробраться совершенно просто — в ограде сколько угодно проломов. Нас задержала надпись на стене: «Фон Крупп».

— Падла, — сказал Миша. — Затрем.

Осколками кирпича стали тереть стену. Надпись не поддавалась.

— Ладно, кончай ночевать, — скомандовал Быков. — Вернемся, доделаем.

Теплица была заперта. Однако никто не мешал нам заглянуть вовнутрь. Боже мой! Живые цветы! Они были прекрасны и напоминали нам довоенное время.

— Пацаны, чего уставились? Забыли, зачем пришли? — злился Ленья. — Вот в той раме стеклушки едва держатся.

Много не взяли — три астры.

Таким образом одна астра попала к хирургу. Свою я отдал Нине из соседней школы.

Третья астра досталась малышу-запевале.

Вечером сводный хор нашей школы выступал в городском клубе. Ответственный за это мероприятие — Ленья Быков, щеголь, одетый в курсантскую летную форму, сколотил за считанные часы номер. Наш аккордеонист, любимец всех девчонок Краматорска Витя Глаубе, поблескивая фиксой, провел одну репетицию. Петать мы должны были «Варяга». Не знаю, что бы из этого затем вышло, но в самый последний момент, когда мы уже сиротливо маячили на сцене, Быков втолкнул в середину строя мальчонку.

— Огольцы! — приказал Быков. — Слушайте его и подпевайте. Все будет спок!

Быков исчез за кулисами.

Он многое успеет, Ленья Быков. Закончит

Харьковский театральный институт. Сыграет множество ролей на сцене театров. Придет к нам в образе моряка-подводника в кинофильме «Добровольцы». А позже долетает в своей «поющей эскадрилье», и мы сладко улыбаемся, узнавая своего кореша в образе «старика», бывшего немцев в небе войны. А еще будут «Аты-баты, шли солдаты».

Но будет и нелепый строительный каток на дороге под Киевом, в который врежется его машина. Никому не дано знать своей судьбы.

Между тем поднялся занавес. Прожекторы ослепили нас. Сковал страх перед черным про-



валом за рампой. Глаубе взял первый аккорд. Мы молчим. Глотки пересохли, недоуменно косим друг на друга. Легкий смехок из рядов, где сидят соперники — 11-я женская школа. Тогда считалось, что педагогичней вести обучение врозь — на «м» и «ж». Смех нарастал. Аккордеонист повторил вступление. И вдруг чисто и звонко включился мальчонка:

Наверх, вы товарищи, все по местам.

Последний парад наступает...

Ободренные столь неожиданной поддержкой, мы дружно рывкнули:

Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»,

Пощады никто не желает...

А голос мальчика вел дальше и дальше к волнам Тихого океана, где экипаж израненного крейсера и по сей день прощается с нами.

В те минуты ни я, ни мои товарищи своих голосов не слышали. Они безраздельно были отданы во власть запевалы. Глаубе давно махнул на все рукой. Музыкальный талант его был целиком на стороне мальчишки. А тот пел, как бог. Тогда я не представлял, что один крошечный человечек может заполнить собой и сцену, и зал, и все ему будет тесно. Его голос станет требовать новых сердец, и он в конце концов найдет их по всей стране.

Аплодисменты и крики: «Даешь еще!» вывели нас со сцены. Ошеломленные статисты, мы искали своего повелителя. Он стоял один на сцене, пахнувшей свежими досками, и держал в ручонке белую астру. Быков нашел, кому ее поднести.

На следующий день Миша Трейдуб сунул мне в карман письмо. Это была большая честь получить от него письмо. Черноволосый, большоголовый, отчего возникало ощущение хрупкости, с карими глазами, неизменно смотрящими вправо, насмешливый и резкий в суждениях, он был нашей совестью. Начитан, бесстрашен, правдив. Надо понимать, что письмо каким-то образом соседствовало с заводской теплицей, обаянием Лени Быкова, смелостью малыша-запевалы. Красота искала себе подобных.

Война оставила в наших душах кошмары, продолжавшие отравлять сознание. Беспричинные ссоры, брань, истеричные выходы на «точках» — танцплощадках, где творилась скорая послевоенная любовь — все это составляло приметы нашей юности. Были и более глубокие причины вражды и зависти.

На моих друзьях висело клеймо, запечатленное в тогдашних анкетах: «Находился на оккупированной территории». Вроде они были виноваты в том, что немцы так быстро захватили Донбасс. А у Миши еще и отец — «враг народа». Совсем тоска.

Разворачивая Мишин конверт и вижу тоненькую книжицу стихов «Третья скорость» С. Орлов. Приписка на листке: «Вот это поэт!»

Тогда вряд ли кто так мгновенно и четко мог определить силу таланта молодого поэта. Признание и слава к нему придут много лет спустя. Уже работая в «Комсомольской правде», я встречу с бывшим танкистом Сергеем Орловым и расскажу ему, как в голодном и холодном Краматорске...

Жаль только, что к тому времени уже не станет Миши. Он умрет в Симеизе от легочного кровотечения, мой друг, поэт, сотрудник краматорской городской газеты. Догонят годы нужды, оккупации, тоски по отцу.

Отчего так глубоко болит сердце? Отчего так тянет в наш школьный класс, заставленный сваренными автогенном железными партами, где на фанерном подносе лежат ломтики едва пропеченного хлеба, слегка притрушенные желтоватым песком сахара. Барабанит в окна третьего этажа дождь. Я представляю расквашенную дорогу от городского клуба вверх на Гору, в сырую хибару, возле которой сторожит хозяин пес Дозор, а со стены глядит фото четырех приятелей.

Никому не дано знать свою судьбу.

А мальчонку-запевалу звали Иосиф Кобзон.

Аркадий ПАЛЬМ.
(Соб. корр. «ЭС»).

КРАМАТОРСК.

● Второй слева Леонид Быков (1948 г.).

Фото автора.